

ЦЕНТРПОЛИГРАФ®

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Морин Чайлд

БУДЬ МОИМ
МУЖЕМ!

366

 HARLEQUIN®

Содлазнь

Морин Чайлд

Будь моим мужем!

Серия «Соблазн – Harlequin», книга 366

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63353112

Будь моим мужем! : Центрполиграф; Москва; 2021

ISBN 978-5-227-09156-7

Аннотация

Каден и Эмма встречались с колледжа и любили друг друга до беспамятства, но, как только речь зашла о браке и детях, Эмма сбежала в Голливуд в надежде стать актрисой. Спустя пять лет она возвращается в Монтану с разбитыми мечтами и маленьким ребенком на руках. За это время Каден разбогател, отстроил ранчо, но так и не смог забыть первую любовь. Хватит ли им сил преодолеть неприязнь и обиды?..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Морин Чайлд

Будь моим мужем!

Глава 1

– Вернулась!

– Кто? – спросил Каден и поднял глаза на управляющего, Джека Франклина.

Каден Хейл не любил, когда его отвлекают от постылой бумажной работы, – он предпочел бы работать на свежем воздухе, заниматься ранчо, объезжать лошадей, чинить изгородь, чистить конюшни, а не сидеть и заполнять бумаги. Однако, со смертью отца, Кадену пришлось самому вести дела.

Джек стоял с такой миной на лице, будто что-то случилось. Хозяин ранчо откинулся на спинку стула и забарабанил пальцами по столу. Они с Джеком дружили со школы, и, когда отец Кадена умер, Джек помог наладить дела на ранчо.

– Выкладывай, что стряслось?

– Пока ничего, – пробормотал Джек и одним движением снял шляпу.

Каден выпрямился, уперся ладонями в массивную столешницу и уставился на друга.

– Эмма... Эмма Уильямс вернулась, – нехотя проговорил Джек.

Этих слов было достаточно, чтобы день покатился в тартарары. Каден так крепко стиснул зубы, что челюсть заболела. Он сделал глубокий вдох, чтобы расслабиться.

Как ей это удастся? Они не виделись пять лет, но эта женщина все еще жила в его сердце.

Каден закрыл глаза, пытаясь справиться с чувствами, захлестнувшими его. Гнев, негодование и обида из-за ее предательства и вместе с тем желание обладать смешались в его душе в адский коктейль, разбередив старые раны.

Эмма в городе. Зачем она приехала? Надолго ли?

Они не разговаривали пять лет. Пару раз Эмма звонила ему, но он не брал трубку: зачем?

– Ты ее видел? – спросил он друга.

– Нет, – помотал головой Джек. – Гвен видела. Она была в городе утром, покупала овощи и встретила Эмму... У нее ребенок.

Кадена будто ударили кулаком в живот. Ребенок? Она родила, пока была в Голливуде. От кого? Отец ребенка с ними?

– Когда Гвен мне рассказала, я сразу понял: добром это не кончится.

Каден с шумом выдохнул, пытаясь справиться с чувствами, разрывающими его изнутри. Он не простил предательства, но вместе с тем горячее, неистовое желание обладать ею не давало покоя. При одной мысли об Эмме Уильямс его охватывало возбуждение, а в голове не оставалось ни одной рациональной мысли.

– Гвен с ней говорила?

Жена Джека знала, что произошло между Каденом и Эммой. Городок маленький, всего пять тысяч жителей. Здесь, как в большой деревне, все про всех знали.

– Да, – ответил Джек и провел рукой по волосам. – Эмма сказала, что приехала вчера вечером, и попросила никому не говорить об этом.

Вот почему Грейси ничего не сказала ему при встрече. Вероятно, она не меньше его обрадовалась приезду сестры.

– Эмма сказала: с Голливудом покончено.

– Неужто, – процедил сквозь зубы Каден.

Теперь ему придется видеться с ней, хочешь не хочешь. В городе вспомнят старые истории об их отношениях, и ему снова придется ловить на себе насмешливые или, что еще хуже, сочувствующие взгляды.

– Каден, расслабься, – посоветовал Джек.

Легко сказать. Он взглянул на друга. Джек был обеспокоен не меньше, но ничем не мог помочь. Если Эмма приехала насовсем – случайных встреч не избежать.

– Я должен поговорить с ней и расставить все точки над і.

– Между вами все закончилось пять лет назад.

– Это было ее решение, не мое.

В доме Уильямсов все было по-старому. Мебель покупалась от случая к случаю и выбиралась за удобство, а потому единого стиля в интерьере не просматривалось. Коврики

на полу поистрепались от времени – мать Эммы связала их крючком до рождения старшей дочери. В косых солнечных лучах послеполуденного солнца, заливших гостиную, танцевали пылинки. Большие окна выходили на лужайку перед домом. За невысокой оградой начиналась дорога, соединяющая ранчо с городком.

Взяв младшую сестру за руку, Эмма спросила:

– В чем дело, Грейси?

– В тебе.

Сестра избегала ее с тех пор, как вчера вечером Эмма переступила порог родительского дома.

– Почему? – всплеснула руками Эмма. – Я только приехала.

– Вот именно, – ответила Грейси и откинула назад кудрявые волосы. – Свалилась как снег на голову и теперь ждешь, что все будут встречать тебя с распростертыми объятиями? Так, словно ранчо не разваливается, а отец такой же, как раньше. К твоему сведению, он не встает с кровати уже год.

Зеленые глаза Грейси полыхали гневом, но Эмма не боялась. Наоборот, учитывая, что сестра отказывалась с ней разговаривать с самого приезда, крики и споры – уже прогресс.

Каждое слово сестры болью отдавалось в сердце. Как это ни ужасно, сестра права. Отец ослабел и стал совсем беспомощным, а ранчо как никогда нуждалось в сильных руках.

Эмму пронзило чувство вины.

– Ты не говорила, что отец болен.

– Он не болел. Он сдался, когда ты уехала, потерял надежду.

Как больно это слышать! От горького сожаления перехватило горло, стало трудно дышать. Она не хотела оставлять после себя руины, но прошлого не воротишь...

– Ты должна была мне сказать.

– Написать письмо? Или в один из твоих звонков «я на минуточку»? Успеешь тут все рассказать, правда?

Эмме стало еще совестнее.

– Не обвиняй меня во всех смертных грехах, Грейси. Ты была дома все это время и знала, что происходит.

Глаза сестры наполнились слезами.

– Ничего не изменилось бы. – Она глубоко вздохнула, смахнула коварную каплю ладонью и продолжила тихо, но твердо: – Я пыталась управлять ранчо, отец только и делал, что переживал: как ты там одна в Калифорнии? А я в одиночку тащила на себе хозяйство.

Эмма стиснула виски ладонями. Она не думала, что ее отъезд обернется катастрофой. А может, она не позволяла себе думать. Пять лет назад все ее мысли были о Голливуде. Казалось, с ним связано ее будущее.

– Грейси...

Сестра не дала ей закончить:

– Не говори, что тебе жаль. Это уже не важно, да и неправда. – Она смахнула слезу. – Ты сделала, что хотела, впрочем, как и всегда.

В первый раз за разговор Эмма начала закипать. Ей хотелось разделить горечь сестры, но она не позволит поливать себя помоями.

– Seriously? – прошипела Эмма тихо, так чтобы отец не услышал, как они ругаются. – Когда умерла мать, кто тащил хозяйство и заботился о тебе и отце? И кстати: разве ты не делаешь, что хочешь? Кто угнал отцовский грузовик, чтобы покататься? Помнишь? А кто прогуливал школу и поехал без спроса на концерт в Биллингс?

– Это было давно, – серьезно ответила Грейси. – Видно, тебе нечего вспомнить, а ведь за последние годы много чего произошло. Впрочем, тебе-то откуда знать, ты же уехала.

– Многие уезжают в поисках лучшей жизни.

– Многие приезжают домой, хотя бы изредка.

– Если они могут себе это позволить.

– Тебя показывали по ТВ, ты могла купить билет.

– Всего один сезон, – напомнила Эмма.

В то время ей приходилось работать так много, что ей нередко доводилось ночевать в съемочных павильонах.

Эмма вздохнула. Можно вернуться домой, но нельзя заставить других радоваться твоему приезду. Покупая обратный билет, она не сомневалась, что родные примут ее и все будет по-прежнему. Пока она пыталась счастье в Голливуде, семейное ранчо было для нее своеобразным местом силы. Когда ей было одиноко, страшно, когда одолевала тревога и в голову лезли дурные мысли, она закрывала глаза и пред-

ставляла родительский дом.

Дом. Она убеждала себя, что ее ждут и, если ее мечты не сбудутся, а мир окажется слишком жестоким, она может вернуться. После всего, что произошло в Калифорнии, Монтана казалась идеальным местом для жизни. Поначалу она постоянно писала эсэмэски, звонила по скайпу, но со временем пропасть между нею и семьей становилась все больше. Иначе и быть не могло, ведь она не могла честно признаться, как ей на самом деле живется в Калифорнии.

Эмма не хотела, чтобы родные знали, что ее зарплаток едва хватает на крошечную квартирку, жить приходится в постоянном напряжении, временами впроголодь. Что бы ни случилось, ради отца и сестры она старалась казаться веселой и жизнерадостной. Хватило ее ненадолго. Звонки становились все короче и реже.

Отец всегда был рад поговорить, а Грейси вскоре замкнулась и отдалилась, а теперь и вовсе избегает ее. Даже в одной комнате с ней быть не желает.

Жизнь Эммы разделилась на два больших этапа: до отъезда в Голливуд и после. Она предпочитала думать о том, как было раньше, потому что разбираться с тем, что творится сейчас, не было ни сил, ни желания: больной отец, сестра, которая ее ненавидит, и ребенок, требующий заботы и внимания. Ей предстоят нелегкие времена. Ко всему прочему, рано или поздно придется встретиться с Каденом. Это наводило на нее настоящий ужас.

Она не видела его пять долгих лет, но все эти годы не переставала думать о нем. Он жил в ее голове и сердце с тех пор, как они познакомились в колледже. Каден стал для нее воздухом, без которого она задыхалась, миром, в котором она жила. Так было до того дня, когда он выдал ей план совместного будущего: ранчо, семья, дети. Все, о чем они просто говорили, предстало перед Эммой как неизбежное.

Эмма поняла: если не рискнет последовать за мечтой, то всю жизнь будет проклинать его и себя. Она решила уехать. Разорвала отношения с Каденом и отправилась в Голливуд.

Несомненно, встреча с ним будет не менее драматичной, чем с сестрой.

– Эмма! Подойди! – услышала она голос отца.

– Иду, папа.

– Захвати бутылочку, я думаю, внучка проголодалась.

Грейси нахмурилась, будто на ее плечи взвалили еще один непосильный груз. Эмма мысленно обещала себе, что подумает об этом позже, взглянула на сестру и сказала:

– Мы договорим потом.

– Нам не о чем говорить.

Эмма глубоко вздохнула, изыскивая в глубине души терпение, которого уже давно не было, и молча пошла в кухню.

Дорога от ранчо «Дабл Эйч» до дома Уильямсов занимала не более двадцати минут. Когда-то Каден с Эммой обсуждали, что хорошо было бы продолжить прямую дорогу между

их владениями, но этому не суждено было сбыться.

Каден обратил бы внимание на красоты золотой осени, но не сегодня. Сейчас он видел перед собой только глаза Эммы в день расставания.

– Попытаю счастья, – сказала она печально. – Я не могу поступить, как мама. Она наплевала на себя и свои мечты. Ты помнишь, как она хорошо пела?

– Да, но...

– Перед смертью она призналась, что единственное, о чем сожалеет, что не развила свой талант, не получила признания.

Они с Эммой в течение нескольких лет были вместе. Каден верил, что у них общие цели, общие стремления, и теперь он не знал, чего ожидать.

– А как же мечта восстановить семейное ранчо?

– Это твоя мечта, Каден, – просто и откровенно призналась она, – не моя.

Слова Эммы пробуравили дыру в его сердце. Услышать такое – все равно что незаслуженно получить пощечину.

– Но мы так много об этом говорили, собирались сделать что-то особенное, вместе.

– Знаю, – сказала Эмма и положила руку ему на плечо. От ее прикосновения Кадена бросило в дрожь. – Я должна понять, чего стою.

Неужели она не понимает, что в Голливуде она никому не нужна, а здесь, для него, она – жизнь.

– Поедем со мной.

– Я не могу.

– А я не могу остаться, – пожалала плечами Эмма. – Если я не уйду сейчас, мы оба будем несчастливы...

Каден помотал головой, отгоняя неприятные воспоминания. Эмма представила это так, будто делает одолжение, что бросает его. Будто ему так будет лучше. Словно то, о чем они мечтали, ничего не стоит.

Каден в ярости хмыкнул.

В тот вечер Эмма вырвала его сердце без наркоза, и ему еще долго пришлось зализывать раны, чтобы оправиться от предательства. Он погрузился в работу и преуспел. Жизнь налаживалась, и, как только он выскажет ей все, что накипело, ему полегчает.

Каден свернул к дому Уильямсов на своем новеньком «дожде рам». Первое, что бросилось в глаза, – облупившаяся краска на ограде. Надо бы прислать к Фрэнку пару рабочих, иначе после зимы древесина отсыреет, придется менять весь забор. В клумбах бурьян, вместо цветов. Ранчо в упадке и запустении с тех пор, как Эмма погналась за журавлем в небе.

Фрэнк Уильямс почти отошел от дел и не стремился восстанавливать ранчо после того, как дочь сбежала в Голливуд. Он планировал, что они с Каденом объединят хозяйства, создадут одно большое ранчо. Эмма разрушила его мечту – ее собственные мечты были важнее.

Каден ощутил угрызения совести – ему следовало чаще

навещать старика, интересоваться, может ли он чем-то помочь, – и тут же нахмурился: Эмма не пожалела отца, а теперь вернулась, да еще с ребенком.

Каден припарковался, заглушил мотор и минуту-другую сидел в машине, смотрел на дом, где раньше проводил почти все свободное время.

Старый, но основательный особняк, выкрашенный в белый цвет с желтыми элементами отделки на фасаде. Именно так нравилось матери Эммы. На втором этаже – спальни. Он знал этот дом, как собственный. Они с Эммой начали встречаться через год после ее поступления в колледж. Друзья потешались над ним, не понимали, что он нашел в девчонке, но Кадену было все равно. Он был влюблен.

Любовь умерла вместе с ее отъездом.

И все же от одной мысли, что сейчас он войдет в дом и увидит Эмму, его охватило волнение.

Пока он сидел и размышлял, парадная дверь открылась и на улицу выбежала Грейси. Она направилась прямо к нему. Каден поспешно вышел, и она повисла у него на шее, словно в поисках защиты.

– Не могу поверить, – пробормотала она, – только вчера явилась, а ведет себя так, будто мы должны быть счастливы, что она сообразовала вернуться.

– Смотрю, ты не очень-то рада.

Грейси оторвала голову от груди Кадена и пристально посмотрела на него.

– Да я в бешенстве!

Грейси в свои двадцать пять была прекрасна, как весенний цветок: с короткими кудрявыми волосами и зелеными глазами на тон светлее, чем у сестры. Он всегда был для нее как старший брат. Каден хорошо ее знал и сейчас видел боль и гнев в ее глазах. Он испытывал похожие чувства.

– Гвен встретила ее сегодня утром, сказала, что Эмма приехала насовсем.

Грейси отстранилась и сделала шаг назад. Слеза покати-лась по щеке.

– С какой стати ей верить, она ведь уже бросала нас.

Плохо это или нет, но Грейси озвучила то, о чем он думал буквально минуту назад.

– Отец рад, что Эмма вернулась. – Девушка сунула руки в карманы. – Сегодня он даже встал с постели.

Вот это новость. Фрэнк потерял всякий интерес к жизни спустя год после отъезда Эммы. Со временем он перестал общаться с другими людьми, замкнулся в себе, отказался выходить из дома. Старик думал, дочь узнает об этом и вернется домой. Но Эмма не вернулась, и Фрэнк впал в депрессию. Если она снова уедет, это убьет его.

– Что, если Эмма узнает? – прошептала Грейси. – Она расскажет отцу и тогда...

– Расскажи сама, – тихо сказал Каден.

Он был единственным, кому Грейси доверяла свои секреты, но по данному вопросу их мнения расходились. Каден

считал, что она поступает неправильно, и не боялся сказать об этом.

– Нет, я не могу, особенно сейчас.

– Привет, Каден.

Внутри его все замерло. Эмма. Ее низкий бархатный голос, как и раньше, отзывался в каждой клетке его тела. Удивительно, после стольких лет...

Каден повернулся.

Эмма стояла на пороге.

У него перехватило дыхание.

Последний раз он видел ее по телевизору. Она снималась в забавном семейном сериале, и он не мог не признать, что у нее отлично получается. Настолько хорошо, что он посмотрел одну серию, напился и больше никогда не включал ящик. Эмма бросила его ради славы, и его разрывало на части от мысли, что она преуспела.

Каден с интересом рассматривал ее, обновленную. Выющиеся волосы отросли с тех пор, как они расстались, и теперь ниспадали на плечи каштановой волной. В красной фланелевой рубашке, черных джинсах, облегающих стройные ноги, и ковбойских сапогах она выглядела невероятно сексуально. Каден даже подумал, что она нарядилась для очередной роли.

Несмотря на то что страстно желал ее, он окинул Эмму холодным, оценивающим взглядом. Годы, полные разочарования, гнева, злобы и страдания от разбитого сердца, не про-

шли для него даром. Ее лучистые зеленые глаза были так же чисты и прекрасны, но сейчас в них скрывались тайны, ему не известные. Это ему не понравилось.

– Не здороваешься со мной? – крикнула она.

Каден вспомнил ее холодные, жестокие слова в день расставания – она наплевала на него, на их отношения, а теперь говорит «привет» так, будто ничего не было. Неужели она ждет, что он позовет ее выпить, вспомнить былое? А потом попросит его посидеть с ребенком? Нет уж, спасибо.

Грейси крепко вцепилась в его плечо. Каден чувствовал, как ногти девушки впиваются ему в кожу через куртку. Вот кто теперь его соратник. Грейси. Она не уехала, она осталась и заботилась о тех, кого бросила Эмма. Он встанет на сторону Грейси против женщины, которая покинула их обоих.

– Что ты здесь делаешь, Эмма?

Она гордо вскинула подбородок и, не сводя с него глаз, сказала:

– Вернулась домой.

– Правда?

Кровь в венах начала закипать, Каден решил не обращать на это внимания. Он ей не верил.

– С Голливудом покончено, – ответила она, гордо вздернув подбородок.

Она защищалась, как могла, и у нее хорошо получалось, хотя Каден не хотел это признавать. Почему она отказалась от карьеры кинозвезды? Что привело ее в родительский дом?

И почему ему не все равно, после стольких лет?

– Что так? Планы изменились?

– Я изменилась, – ответила Эмма.

Каден кивнул.

– Хм, пять лет назад ты изменилась, теперь опять. Когда выйдет следующая новая версия тебя?

– Другой не будет.

– Не верь ей, – прошептала Грейси.

– А я и не верю, – ответил Каден и с удовольствием заметил, как Эмма сверкнула глазами.

Что это, гнев? Уязвленность? Не важно. Он хотел ее до боли в паху, но верить ей не мог.

– Грейси, иди в дом, мне надо поговорить с Эммой.

Девушка пронзительно посмотрела ему в глаза, но ушла.

– Ого, кажется, вы с Грейси очень близки, она беспрекословно выполняет твои приказы, – съязвила Эмма.

– Это не приказ, а просьба.

– Которую она тут же побежала исполнять, – добавила она и чуть наклонила голову набок. – Между вами что-то есть?

Каден скрестил руки на груди. Ее задело, что они с Грейси так близки.

– Не твое дело.

– Она моя сестра.

Каден усмехнулся:

– Тебе не было дела до нее столько лет, а теперь ты вдруг вспомнила, что вы сестры?

– Я не бросала семью, Каден, – она еще выше подняла подбородок, – я бросила Монтану.

– И меня.

Эмма глубоко вздохнула.

– Да, и тебя. Но я объяснила, почему так поступила.

– И это, по-твоему, оправдание?

Эмма снова вздохнула, сунула руки в карманы и спросила:

– Что ты хочешь от меня, Каден?

Сложный вопрос. Он ехал, чтобы высказать ей все, что накопилось, но, увидев ее, потерял способность здраво мыслить и рассуждать.

Каден смерил ее взглядом. Желание подойти к ней, обнять и поцеловать становилось все сильнее. Пора уезжать, пока тело не взяло верх над разумом.

Он поймал ее взгляд и отчетливо произнес:

– Абсолютно ничего.

Глава 2

«Абсолютно ничего».

Эти слова преследовали Эмму последующие два дня. Дел на ранчо было невпроворот, но она не могла полностью отвлечься. Каден никогда не покидал ее сердца. Да, в погоне за славой она бросила его, причинила боль. Поступить иначе она не могла: оставшись в Монтане, она прожила бы жизнь, полную сожалений.

– Ничего удивительного, – пробормотала она, перебирая инструменты в сарае. – А ты думала, он поймет? – продолжила она вслух. – Мужчины мыслят линейно, тем более когда речь идет об их мечтах. А я что, не имею права на свои? Должна мечтать, о чем он скажет?

«Абсолютно ничего».

– Чего он хочет от сестры? Грейси ходит к нему на ранчо почти каждый день. – Ревность свила гнездо в ее душе и сдавила сердце цепкими лапами. – Неужели она спит с ним? Как он мог так легко переключиться? Разделяет ли Грейси его мечты теперь?

С сестрой отношения не ладились с первого дня, в доме они ходили мимо друг друга молча, а отец то ли не замечал этого, то ли умело игнорировал.

Фрэнк был в восторге от маленькой внучки Молли и постепенно возвращался к жизни, становясь прежним челове-

ком. Внучка дала ему второе дыхание, желание жить, и это беспокоило Эмму. Правда, которую она скрывала, мучила ее, но рассказать отцу обо всем она не могла. Не сейчас. Слишком много переживаний.

С чего она взяла, что возвращение домой пройдет как по маслу? Никто не говорил, что будет легко.

Эмма схватила две лопаты и бросила их в угол. Ранчо запущенное; сарай, конюшни, дом – все обветшало. Никому нет дела до того, что нужно обо всем этом заботиться. Кроме Кадена, конечно. Пару дней назад двое рабочих приходили, чтобы покрасить забор, а когда она сказала, что не нуждается в помощи, они проигнорировали ее. Как и все. Сказали, что они подчиняются Кадену, и если у нее какие-то вопросы, то она может обратиться к нему лично.

Можно подумать, это так просто.

Забор покрасили, но трава некошенная, перила на крыльце держатся на честном слове, в помещении, примыкающем к конюшне, где хранились седла и прочая амуниция, – полнейший хаос.

– Тут же есть полки, черт возьми, – ворчала Эмма, – почему все инструменты свалены в кучу?

Собирая разбросанные повсюду элементы конной упряжи, щетки, баночки с мастикой для шерсти и копыт и прочую мелочь, Эмма тихо злилась. Когда каждый предмет занял свое место, она гордо подбоченилась и удовлетворенно кивнула сама себе. Для такой перфекционистки, как Эмма,

беспорядок был пыткой.

– И почему старое седло на столе? – спросила она, не обращаясь ни к кому конкретно.

– Потому что его нужно починить.

Эмма резко развернулась и увидела Грейси в дверях.

– И как долго оно тут лежит?

– Пару месяцев точно.

– Месяцев?

Эмма неодобрительно покачала головой.

– А почему Бак его не починит?

– Бак уволился полгода назад.

– Что?

Бак Симпсон работал на ранчо, сколько Эмма себя помнила. Мастер на все руки, он держал инструменты в превосходном состоянии.

– Почему?

Грейси безразлично пожалала плечами и оперлась плечом о дверной косяк.

– Сказал, что слишком стар. Перебрался к дочери, живет на ранчо за Биллингсом. Там ему не нужно выходить зимой на улицу каждый день и работать.

– Почему ты мне не сообщила? Могла бы хоть сообщение написать.

– Да, конечно, мы же так близки, – съязвила Грейси.

Эмма вздохнула и запустила руки в задние карманы джинсов. В детстве сестра обычно следовала везде за ней по пя-

там.

– Я пыталась поддерживать связь, писала и звонила, а ты мне – никогда. Я уехала с ранчо, но не бросала семью.

– А что я должна была говорить? – запротестовала Грейси и оторвалась от косяка. – Удачных проб? Наслаждайся идеальной жизнью, пока я тут валяюсь с ног от усталости.

Она посмеялась бы, если бы не было так грустно.

– Ты думаешь, у меня была идеальная жизнь? – не удержалась Эмма. – Я ходила на сотни прослушиваний, но редко получала роли. А эти предложения переспать с продюсером... Работа по двенадцать часов в ресторане из-за того, что арендодатель увеличил плату? Постоянно пристают какие-то стариканы, норовят шлепнуть по задку, когда приносишь заказ...

– Ой, подожди, достану платочек, посочувствую, – ответила Грейси.

– Ах ты, сучка!

– Ты не лучше.

Эмму охватило разочарование. Почему все думают, что в Голливуде хорошо живется? Грейси и понятия не имела, через что ей пришлось пройти. Обо всех этих мерзких и по-настоящему страшных вещах даже вспоминать было страшно...

– В чем дело, Грейси?! – всплеснула руками Эмма. – Не верю, что ты так злишься из-за того, что я на пару лет уехала из дома. Должно быть что-то еще.

Грейси напряглась, но быстро взяла себя в руки, нацепив маску безразличия.

– Ты не знаешь меня, Эмма. Не жди, что я буду радоваться твоему возвращению.

– Сначала ты не хотела, чтобы я уезжала, теперь не хочешь, чтобы я возвращалась... Чего ты вообще хочешь?

На долю секунды Эмме показалось, что в глазах Грейси мелькнуло что-то, но тут же пропало. Как будто она почти достучалась до маленькой любимой сестрички.

– Ничего, – сухо ответила сестра. – Я пришла сказать, что твоя дочь проснулась и плачет.

Эмма отшатнулась, будто получила пощечину.

– Ты что, не могла взять ее на руки?

Грейси сначала стало стыдно, но она быстро оправилась, гордо вскинула подбородок и ответила:

– Я не сиделка, Эмм, и папа тоже.

Эмма сурово на нее посмотрела:

– Я и не говорю, что ты сиделка. Папа возится с малышкой, потому что сам хочет. Не слышала, чтобы он жаловался, что устал от Молли.

– Конечно нет, – возразила сестра и откинула волосы назад. – Он никогда не скажет, потому что боится, что ты снова уедешь.

– Я же тебе сказала, и ему тоже, что больше никуда не уеду.

– Прекрасно, пойду шарики надую, – буркнула Грейси. –

Кстати, скоро придет ветеринар, и было бы здорово, если бы ты оставила нас хоть ненадолго.

Сестра ушла прежде, чем Эмма успела ответить. Ох уж эти беседы с Грейси... Это здорово выматывало. Замкнутый круг. О чем бы они ни говорили, каждый раз все заканчивалось упреками. Возразить ей было нечем, потому что так и было. Эмма мечтала о карьере актрисы с детства. Никто не одобрял и не пытался ее понять. Несомненно, мама ее поддержала бы, но, к несчастью, она умерла так рано...

Эмма выждала несколько минут, чтобы не идти вместе с Грейси. Интересно, в какой момент начался раскол? Эмма была старше сестры на пять лет, поэтому она всегда заботилась о ней, особенно когда умерла мама. Грейси было четырнадцать. Отчего она стала такой враждебной?

Эмма глубоко вздохнула и решила завершить уборку, чтобы направить бурлившую в ней после разговора с сестрой энергию в позитивное русло: расставила все по местам, вытерла пыль на полках, подмела пол. Помещение преобразилось на глазах.

Возвращение оказалось сложнее, чем она думала. Сестра ненавидит ее, бывший – и видеть не хочет. Если бы были силы, она бы устроила себе утешительную вечеринку, но сил не было ни на что, поэтому она направилась домой к малютке, которая нуждалась в ней больше всего.

Молли исполнилось пять месяцев, она с радостью приветствовала каждого, улыбаясь беззубой улыбкой. Плакала она

только в случае голода и мокрого подгузника. Лучше и представить нельзя.

Фрэнк и Молли были в гостинной. Малышка сидела у него на коленях, а старик корчил смешные рожицы. Отец выглядел лучше, чем в день ее приезда. В глазах блестел огонек, волосы причесаны, он даже побрился. Хороший знак: неужели Грейси не видит или не хочет видеть положительный эффект от ее возвращения?

– Пап?

– Привет, милая, чем занималась?

– Я? Порядок наводила, – ответила Эмма и махнула рукой в сторону двери.

– О, вся в маму, – усмехнулся отец.

Эмма прошла в гостиную, села на диван.

– Грейси сказала, Бак уволился.

Отец нахмурился.

– Да, но я не могу винить его за это. Он старше меня, черт возьми, а мы не в том возрасте, чтобы гнуть спину на ранчо с утра до ночи.

Малышка стукнула пару раз ладошками по большим рукам деда и принялась играть с пальцами.

– О, мне теперь придется следить за выражениями, – улыбнулся Фрэнк и посмотрел на внучку. – Молли так похожа на тебя в детстве.

– Правда?

– Да. Спокойная, улыбчивая. – На глаза старика наверну-

лись слезы. – Я рад, что ты вернулась, Эмм, правда.

Она подалась вперед, взяла отца за руку и крепко сжала.

– А я рада, что хоть кто-то рад моему возвращению. Грейси постоянно фыркает на меня, когда проходит мимо.

Отец усмехнулся:

– Грейси просто устала. Она очень старалась поддерживать ранчо в нормальном состоянии все эти пять лет, но у нее никогда не было твоей уверенности. Что бы она ни делала – во всем сомневалась.

Эмме это не понравилось.

– Неужели? Она всегда поступала по-своему, даже в школе, не считаясь с мнением других.

– Да, но в душе она сомневалась.

– Теперь она меня ненавидит, – вздохнула Эмма, наматывая на палец нитку, торчащую из обивки дивана.

Фрэнк снова усмехнулся:

– Нет, она боится радоваться твоему возвращению. Думает, ты снова уедешь и бросишь ее.

Если бы Грейси знала, что заставило Эмму вернуться в отчий дом, она бы не волновалась, что сестра снова может уехать...

Но об этом Эмма не могла рассказать ни ей, ни отцу.

Фрэнк проницательно посмотрел на нее и спросил спокойно:

– Грейси права? Ты приехала погостить?

Эмма не могла винить отца. Пять лет назад у нее были

грандиозные планы, как добиться успеха, но все труды оказались напрасными. Последние месяцы в Калифорнии она только и думала о том, зачем уехала из дома. Она вернулась, чтобы снова попытаться реализовать мечты, и на этот раз она сможет во что бы то ни стало.

Кроме семьи и ранчо, была еще одна причина вернуться. Каден. Ковбой, которого она бросила ради Голливуда, мужчина, от одного взгляда которого ее тело пылало от желания, человек, который снился ей каждую ночь. Она не могла его забыть, и не пыталась.

– Нет, пап, – ответила она и положила руку ему на плечо, – мы с Молли приехали насовсем.

Лицо отца просияло.

– Я рад, Эмм. Я бы не пережил второго расставания, тем более если ты забереешь эту сладкую булочку с собой.

– Не волнуйся, – ободрила его дочь.

– А что отец Молли? – спросил Фрэнк. – Он не против, что вы переехали в Монтану насовсем?

Эмма напряглась, но постаралась выдавить из себя подобие улыбки. Уж про кого, а про отца Молли она не хотела даже вспоминать. От мысли, что придется врать отцу, ее начало мутить, но она не могла сказать правду, во всяком случае, не сейчас.

– Отец никак не участвует в ее воспитании. Он не знает, где мы, и, надеюсь, так и будет.

– Он бил тебя? – спросил отец серьезно.

Сердце Эммы ушло в пятки.

– Нет, что ты, – ответила Эмма, встала, поцеловала старика в лоб и добавила: – Клянусь.

– Хорошо. – Отец вздохнул с облегчением и погладил Молли по шелковистым темным волосам. – Вы дома, а значит, все в порядке. Это самое главное.

– И я так думаю, – отозвалась Эмма.

Молли в безопасности, а с остальным она справится.

Отец снова заговорил:

– Каден звонил сегодня утром.

Эмма насторожилась:

– Чего он хотел?

– Хотел предупредить, что пришлет людей скосить поле за сараем.

Эмма нахмурилась. Они действительно каждый год обкашивали постройки, чтобы избежать возгорания сухой травы, но с какой стати бывшему думать о ее ранчо?

– Странно, – сказала она и выпрямилась. – Сначала забор, теперь наша трава...

– Ну, – протянул Фрэнк и поерзал на стуле, – он хочет помочь, как сосед соседу, а может, пытается впечатлить тебя.

Эмма не сдержала усмешки, вспоминая лицо Кадена, когда он пробормотал «абсолютно ничего».

– Нет, пап, ты не видел его лицо, когда он приходил пару дней назад.

Она подошла к камину и заметила, что тот заменен на

электрический. Так, конечно, проще, но ей всегда нравилось потрескивание настоящих дров от настоящего огня.

– Я видел его после того, как ты уехала в Калифорнию.

Эмма закрыла глаза на несколько секунд, затем открыла и посмотрела на отца через плечо.

– Я знаю, что причинила ему сильную боль.

– Я бы сказал, ты едва не убила его.

Чувство вины с новой силой сжало сердце. Отец прав. Если бы она была мягче, чувствительней, если бы признала, что причиняет боль и себе, и Кадену, она бы точно не смогла уехать. А если бы она осталась, она бы продолжала мечтать о кино. Голливуд был не для нее, теперь она это знала. А может, ей просто не повезло...

– Ладно, пап, мне пора.

– Ты думаешь, я не представляю, чем пожертвовала мать, выйдя за меня и создав семью? – Отец тяжело вздохнул и покачал головой. – Она, как и ты, мечтала о сцене, но умерла, так и не реализовав свой талант. Я до сих пор сожалею об этом.

У Эммы защемило сердце, когда она увидела неизбежную боль в глазах отца.

– О, папа, мама так любила тебя, любила нас.

Он хмыкнул.

– Да, но это не значит, что она перестала думать о том, что могла бы уехать в Нэшвилл и попробовать петь на публику. – Отец погладил Молли по голове и продолжил: – Я рад, что

ты попыталась, милая. Даже несмотря на то, что было больно и грустно отпускать тебя, я рад, что ты нашла силы следовать за мечтой.

Слезы защипали глаза. Эмма моргнула пару раз, сгоняя слезы. За окном свинцовые тучи не пропускали ни одного лучика солнца, холодный порывистый ветер гонял опавшую листву, октябрь вступил в свои права. Даже не верится, что неделю назад в солнечной Калифорнии единственным намеком на осень был латте с тыквенным сиропом на каждом шагу. А здесь, в Монтане, все говорило о том, что зима близка и неотвратима.

Как и разговор с Каденом.

«Абсолютно ничего».

Его голос звучал в голове, лишая надежды. Непросто вернуться домой и начать жизнь заново. Эмма и не надеялась, что будет легко. Она предполагала, что разговор с ним будет одним из самых тяжелых в ее жизни, но она и представить не могла, насколько сложно будет противостоять соблазну прикоснуться к нему. Его голос, его запах, его взгляд воскресили забытые чувства. Эмма думала, что буря переживаний после разрыва улеглась. Она ошиблась.

– Все наладится, – сказал отец.

Эмма повернулась к нему. Фрэнк усадил малышку лицом к матери. Ее сердце сжалось. Молли стала самым важным для нее человеком, и она была готова сделать все, что в ее силах, и даже больше, чтобы защитить. Она привезла малышку

домой, потому что здесь о ней точно позаботятся, здесь ее полюбят.

– Ты найдешь свой путь, и я рад, что ты вернулась с дочкой, – заверил Фрэнк, и сердце Эммы в очередной раз сдавило от боли. – Грейси разберется со своими чувствами, вы помиритесь, обязательно.

Эмма не была в этом уверена, но возражать не стала.

– Я, – Фрэнк поднялся с дивана, придерживая Молли, – собираюсь покормить самую сладкую девочку.

– Пап, – откликнулась Эмма, вспомнив, что сказала ей Грейси, – ты не обязан сидеть с ней.

Отец явно обиделся:

– Возиться с внучкой для меня радость. Я вспоминаю, как вы с Грейси были маленькими. У нас с твоей мамой не было ни минуты покоя.

Эмма улыбнулась.

– Я все еще по ней скучаю.

– Я тоже, милая. Каждый божий день.

Фрэнк вздохнул, затем расплылся в широкой улыбке, когда малышка хлопнула в ладошки.

– Она была бы счастлива увидеть такую замечательную внучку. Так что не волнуйся за нас с Молли. Пойди займись делами, на ранчо всегда есть за что взяться.

Можно вернуться в сарай и закончить разбирать инструменты, поднять бухгалтерские книги и проверить, как идут финансовые дела, а можно пойти поговорить с объездчика-

ми лошадей и узнать их мнение. Но она не хотела делать ничего из этого.

– Пап?

Отец обернулся.

Решение было принято мгновенно.

– Если ты не против, я поеду к Кадену, постараюсь наладить отношения.

Отец подмигнул:

– Хорошая идея, милая. Не спеши домой, мы справимся.

Он ушел, а Эмма отправилась в прихожую, сняла с вешалки тяжелую коричневую куртку.

«Не спеши домой...»

Если только Каден согласится с ней поговорить. Хотя она всегда могла уговорить этого упрямого ковбоя. И сегодня сможет. Разве может быть иначе?

Они выскажут друг другу все, что думают, и найдут выход, как жить дальше. Хуже, чем сейчас, все равно не будет.

Застегивая куртку, Эмма вышла на улицу. Окинув взглядом ранчо, она подумала, что тут работы непочатый край, но поговорить с Каденом было важнее всех дел. Работа на ранчо никуда не денется. Она откопала в кармане ключи от старенького проржавелого грузовичка, который довез ее и Молли из солнечного Лос-Анджелеса, села и завела мотор. У конюшни увидела Грейси и женщину с рыжими волосами и веснушчатым лицом.

«Наверное, ветеринар», – подумала она.

Грейси кинула в ее сторону злобный взгляд, и Эмма помахала рукой в ответ. Если сестра бесится, это ее проблемы.

Развернувшись, она поехала в сторону ранчо Кадена. На этот раз они поговорят, черт возьми, по-другому и быть не может.

Из-под колес полетела грязь, забрызгав заднее стекло, и она не видела, как Грейси долго смотрит ей вслед.

Глава 3

Каден помог завести кобылу в трейлер для перевозки лошадей. Дочка покупателя была в восторге от лошади, а Каден радовался очередному довольному клиенту.

Он посмотрел на Звездочку, и кобыла помотала головой, словно прощаясь со старым хозяином.

Каден улыбнулся.

– Красотка, мне жаль с тобой расставаться, – прошептал он и погладил ее по длинной шее. – Новая хозяйка будет любить и баловать тебя еще сильнее, чем я.

Каден провел пальцами по пятнышку на лбу лошади и вспомнил, как она появилась на свет. Это было восемь лет назад. Они с Эммой провели всю ночь в конюшне, успокаивая и подбадривая мать Звездочки во время родов. Эмма дала жеребенку имя, они мечтали: это будет первая кобыла в табуне, который они создадут вместе. А потом занимались любовью на чердаке над конюшней. Черт, он до сих пор ярко помнил тот жар, ее руки, блаженство оказаться внутри ее.

Звездочка заржала, заволновалась. Неужели у него все на лице написано? Каден замотал головой, прогоняя воспоминания.

– Будь хорошей девочкой, – сказал он и снова погладил кобылу.

В голове промелькнула мысль: он избавляется от послед-

него, что напоминало ему Эмму все эти годы. Очередная насмешка судьбы?

«Это пинок под зад, вот что это», – решил Каден, повернулся спиной к прошлому и вышел из фургона на холод и ветер.

Пожав руку новому хозяину, Мэту Фрэйзеру, он сказал:

– Она хороша.

– Мы позаботимся о ней, – сказал тот.

Каден кивнул и перевел взгляд на дочку владельца. Девочка светилась от счастья.

– Будешь любить ее?

– Да, обещаю! – сказала она торжественно.

– Если так, то эта красотка будет любить тебя до беспмятства.

– Спасибо! – выпалила девочка и бросилась ему на шею, затем сделала шаг назад в смущении и сказала: – Это самый счастливый день в моей жизни.

Каден улыбнулся, как ни печально ему было расставаться со Звездочкой. Девочка вскочила в кабину, и грузовик умчался, оставив после себя столб пыли.

Ковбой стоял и смотрел им вслед. Эмма преподала ему хороший урок, бросив его. Сейчас попрощаться со Звездочкой было проще: Каден понял, что может пережить любую потерю, но не может больше доверять Эмме.

Грейси смотрела, как машина Эммы удаляется все дальше

и дальше, пока совсем не скрылась из виду. В голове невольно крутилась мысль: вернется ли она? Она корила себя за ненависть к сестре, но не могла ничего с этим поделать. Эмма слишком сильно обидела ее, когда бросила отца и ранчо на произвол судьбы. Можно ли просто забыть и простить?

От холода ее передернуло. Закутавшись поплотнее в куртку и подняв воротник, она подняла голову и посмотрела на свинцовые тяжелые облака, гонимые порывами ветра. Облетевшая листва кружилась в морозном вечернем воздухе. Каждый год Грейси мечтала отрастить волосы подлиннее, чтобы зимой было теплее, но каждое лето радовалась, что так и не сделала этого.

– Забор покрасили, – заметила Мэдисон Питерс.

– Каден помог, – улыбнулась Грейси.

– Он хороший друг, – сказала Мэдисон.

– Да, – вздохнула Грейси.

На Кадена, в отличие от Эммы, она всегда могла положиться. Он обещал привести в порядок забор и сдержал слово. На его обещания можно было ставить деньги – не прогадаешь. Это то, что Грейси начала ценить больше всего за последние пять лет.

Новая волна злости и гнева поднялась в сердце. Она не хотела сердиться на сестру, которую любила всей душой. Как преодолеть разочарование и гнев?

– Грейси, ты должна помириться с сестрой.

Она повернулась и посмотрела на Мэдисон. Длинные ры-

жие волосы заплетены в косу, чтобы не мешать в работе, лицо усыпано золотистыми веснушками, а изумрудные глаза светятся счастьем, когда она улыбается.

– Но как?

Мэдисон всплеснула руками.

– А я почему знаю. Будь благодарна, что появилась лишняя пара рук, чтобы работать на ранчо. Ты твердишь все время, что помощь не помешала бы, теперь Эмма дома, вот тебе и помощь.

– Ты серьезно? – скривилась Грейси. – Сестрица «навела порядок» в подсобке в конюшне, теперь там никто ничего не найдет.

Мэдисон хмыкнула:

– Я лично поблагодарю ее, что хоть где-то теперь порядок, и тебе советую.

– Я должна благодарить ее?

Злая на Мэд и на себя, Грейси отвернулась.

– Нет, нельзя так просто заявиться, будто ничего не произошло. Да еще и хозяйничать.

– А она пытается?

– Да, – ответила Грейси. – Она ведет себя так, будто никогда не уезжала. Она живет в своей детской комнате и заняла мамину, чтобы шить для ребенка...

– Ты же все равно не пользовалась ни тем ни другим.

Грейси сокрушенно покачала головой:

– Ты не понимаешь.

– Грейси...

– Она делает, что хочет, и даже не спрашивает.

Мэдисон вздохнула.

– Ты все еще злишься на нее.

Раздраженная, что подруга не разделяет ее чувств, Грейси прикусила губу, чтобы не наговорить гадостей и Мэд. Неудивительно, что Мэд не видит проблемы, она переехала всего три года назад. Старый ветеринар ушел на пенсию, и она приняла дела на себя. С первой же встречи они подружились, будто всю жизнь знали друг друга.

Грейси глубоко вздохнула, чтобы хоть как-то справиться с собой. Обычно ей нравился оптимизм и положительный настрой Мэдисон, но в этот раз она очень хотела, чтобы подруга была на ее стороне.

– Тебя не было здесь, когда Эмма уехала.

– Да, но ты говорила, как вы с сестрой были близки, так почему же ты злишься, что она наконец вернулась?

– Ты на чьей стороне? – спросила Грейси удивленно.

Рыжая усмехнулась:

– Я всегда на твоей стороне, Грейси, но думаю, ей стоит дать шанс.

– Хорошо, а что, если Эмма поехала к Кадену? – прошептала она. – Что, если он расскажет ей?

Беспокойство промелькнуло в глазах Мэд.

– Думаешь, он скажет?

– Нет, но я не рассчитывала, что Эмма вернется.

– Ладно, – кивнула подруга, – представь, что он ей рассказал: неужели все так плохо? Рано или поздно придется это сделать.

– Да, когда я буду готова.

– Когда? – не отступала Мэдисон.

Грейси занервничала.

– Скоро, обещаю. – Она сжала руку подруги.

– Все тайное становится явным, Грейси, – предупредила Мэдисон.

– Я не хочу неприятностей, – закусила губу Грейси, – но я разберусь, обещаю.

– Я верю в тебя. И когда ты будешь готова, помни: я всегда рядом, можешь на меня рассчитывать, – улыбнулась Мэдисон. – И я не одна, кто о тебе заботится. У тебя есть отец, сестра и племянница. Они любят тебя. Вспомни, ты без ума от детей! Разреши себе полюбить племяшку.

Грейси вздохнула. Она уже полюбила Молли, но не могла показать свою любовь, боясь, что Эмма снова уедет.

– Давай так: когда Эмма придет, возьмите с ней по пиву, сядьте и поговорите начистоту.

– Никогда не думала, что скажу это, но пиво проблему не решит.

– Это только для начала разговора... Ты злишься, что она уехала или что вернулась?

– И то и другое, – махнула рукой Грейси. – Знаю, звучит странно.

Мэдисон улыбнулась.

– Хорошо, что ты способна это признать. Вспомни, вы с сестрой были так близки.

– Ключевое слово «были».

Они вошли в конюшню и направились к самому дальнему стойлу, где поджидал стареющий жеребец Алмаз.

– Вот, значит, как получается: Эмма приехала, и единственное, что мешает вам снова жить душа в душу, это ты сама.

– Не только, – пробурчала Грейси.

Она чувствовала себя взбалмошным ребенком, устраивающим скандал на ровном месте. И кстати о ребенке...

– Она даже не удосужилась сообщить, что родила. Кто так делает, Мэд?

Мэдисон взглянула на нее, прежде чем войти в денник к жеребцу.

– У нас у всех есть секреты, Грейси, не так ли?

Та залилась краской.

– Ладно, допустим, но она рассчитывает, что мы с отцом будем сидеть с Молли.

– Но ты любишь детей, – возразила Мэд, ласково поглаживая коня.

Затем она нагнулась, чтобы осмотреть порез на передней ноге.

Раздраженная, непонятая, уязвленная, Грейси выпалила:

– Королева Эмма вернулась, а мы, крестьяне, должны ра-

доваться и осыпать ее розами.

Мэдисон выпрямилась, серьезно посмотрела на нее и разразилась заливистым смехом.

– Серьезно? Ты перегибаешь палку, Грейси. Понимаю, ты расстроена, но вы – семья.

Грейси засунула руки в карманы и заявила:

– Не могу забыть, что она бросила нас.

– И не надо, – ответила подруга и снова наклонилась, чтобы обработать рану на ноге коня и перевязать место пореза эластичным бинтом. – Начни с того момента, когда она еще не уехала.

– Не знаю...

Грейси отвернулась и посмотрела на сгущающийся мрак на улице.

– Ее не было, когда она была нужна мне, понимаешь?

Мэдисон вздохнула, собрала сумку с медикаментами и вышла из денника.

– Знаю, милая, – сказала она и обняла подругу. – Было трудно, но ты все преодолела. Ты принимала сложные решения сама, это помогло тебе понять, чего ты на самом деле хочешь.

Грейси изобразила подобие улыбки.

– Я говорила, что терпеть не могу, когда ты так рационально рассуждаешь?

– Поэтому я так и делаю, – ответила Мэд и улыбнулась.

Они обнялись еще раз.

– Хорошо, ничего не обещаю, но постараюсь с ней поговорить.

– Вот и славно, – ответила Мэд. – С Алмазом все будет в порядке, приду завтра проверить его.

– Это лучшая новость за сегодня, мне нравится, когда ты приходишь.

– Я рада, – озорно улыбнулась Мэд. – Пойдем, проводишь меня до машины.

– Конечно.

С этими словами Грейси последовала за подругой.

– Сегодня вечером все в силе?

– Да, если только корова Калахана не начнет рожать, – ответила Мэд. – Я позвоню, если что-то случится. Встречаемся в «Литл Ривер Дайнер» в пять вечера.

Грейси открыла дверь и подождала, пока Мэдисон сядет за руль.

– Спасибо, что выслушала мое нытье.

Мэдисон широко улыбнулась.

– Без проблем, теперь ты должна будешь меня слушать, когда мне понадобится выговориться.

– Договорились.

Мэдисон похлопала ее по руке.

– Не будь строга к Эмме, она тебя еще удивит.

– Этого-то я и боюсь.

Эмма репетировала речь за рулем. Не то чтобы она надеялась, что это ей поможет. Она прекрасно знала, что, как только увидит его, во рту пересохнет, а сердце заколотится так, что в груди станет тесно. Так было всегда.

В Калифорнии ее окружали мужчины, которые из кожи вон лезли, чтобы выглядеть безупречно, показать себя в лучшем свете, но за пять лет она не встретила такого, кто затмил бы ковбоя с соседнего ранчо.

Они все равно будут наткаться друг на друга. Значит, нужно найти способ сосуществования без постоянной войны. Иначе они измотают друг другу нервы.

Эмма оценивающе посмотрела на себя в зеркало заднего вида – ей не помешало бы накраситься.

«Почему тебе важно выглядеть привлекательной для Кадена? Ты же не собираешься его соблазнить», – сказала она сама себе.

Хотя после этой мысли Эмма почувствовала, как сама невольно начинает возбуждаться. Она поерзала на сиденье. В памяти всплывали яркие образы их страстных ночей. После феерического секса с Каденом на других мужчин даже смотреть не хотелось. Не то чтобы она все эти пять лет хранила ему верность, но ни с одним мужчиной она не смогла достичь таких вершин блаженства, как с бывшим.

Образы сменяли друг друга: сплетение тел на залитом солнцем лугу, секс в каноэ, плавно перешедший в секс в озере, когда лодка перевернулась.

Эмма печально улыбнулась. По обеим сторонам дороги тянулись до боли знакомые пейзажи. Деревья, луга, последние цветы, потрепанные холодным осенним ветром. Все как прежде, и в то же время другое.

Каден был ей не только любовником, но и лучшим другом, единственным, кому она могла рассказать обо всем. С годами он настолько отдалился, что казался незнакомцем. Теперь у него гораздо более теплые отношения с ее младшей сестрой. Грейси бегала к Кадену раза три за пару дней. Зачем? Что между ними происходит?

Эмма видела, как сестра бросилась в объятия Кадена два дня назад, несколько раз слышала, как та говорит с ним по телефону. А вчера поздно вечером она снова отправилась к Кадену «поговорить». Эмму это раздражало, она злилась на сестру и ревновала пусть уже бывшего, но любимого. Неужели Грейси бегает за ним? И, судя по всему, Каден не против...

Эмма закусила нижнюю губу, стараясь не обращать внимания на боль в сердце, и крепче вцепилась в руль.

«Если он использует Грейси, чтобы подобраться ко мне, то сегодня я положу этому конец», – решила она и свернула к ранчо.

Сердце заняло от воспоминаний. Как часто она бегала по

этим полям к Кадену. А ведь они хотели проложить прямую дорогу между его ранчо и ее. Частная дорога сэкономила бы десять минут езды и гарантировала, что семьи могут связаться друг с другом почти мгновенно, если это необходимо.

Этот план, как и многие другие, разрушился в тот день, когда она променяла ковбоя на Голливуд.

Дубы, вязы и осины росли вдоль дороги к дому Кадена, ветер гонял опавшие листья, кружил их перед лобовым стеклом. У дома она остановилась и заглушила мотор. Это был даже не дом, а скорее современный дворец. Двухэтажный, с высокой покатой крышей, фасад полностью из стекла.

«Оттуда наверняка открывается прекрасный вид на озеро», – подумала Эмма, рассматривая особняк, как замороженная.

Деревья возвышались над домом, словно исполинские стражи, главный вход подсвечен фонарями. На просторной террасе, опоясывающей дом, перед открытым очагом выставлена плетеная мебель – вероятно, летним вечером здесь можно неплохо провести время за бокальчиком вина...

Любуясь обновленным ранчо, она могла только догадываться, как бывшему удалось построить такую красоту.

Насмотревшись на дом, Эмма отправилась на хозяйственный двор. Здесь также все было устроено с учетом современных тенденций и с уважением к труду отца и деда, вложивших в ранчо столько сил и умений. Старые постройки были обновлены и выкрашены свежей краской, новый ангар для

хозяйственных машин и инструментов был гораздо больше прежнего и, судя по всему, оснащен по последнему слову техники. В стороне были выстроены новые конюшни, даже без выгона занимавшие не меньше акра земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.